

Парадигма постмодерна: отказ от традиционных когнитивных ценностей

Макаренко И. М.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск

В статье осуществляется реконструкция традиционной для европейской культуры когнитивно-ценностной системы, на основании соотношения с которой делается вывод об аксиологической природе постмодерна. Автор показывает, как традиционно присущий европейской ментальности гносеологический оптимизм, – уверенность в достоверности имеющихся знаний и в возможности их расширения, – являлся исходной предпосылкой, на основании которой последовательно выстраивалась система когнитивных ценностей. В частности, гносеологический оптимизм позволял обладать такими ценностями, как онтологический статус слова, понятие истины, метод мышления на основании антитезы. В противоположность этому, постмодернизм основывается на гносеологическом пессимизме, – отрицании как достоверности имеющихся знаний, так и познавательных способностей человека, – что приводит к деконструкции европейских традиционных когнитивных ценностей. Так, в рамках культуры постмодерна происходят радикальные перемены в области языка и мышления: вербальная система подвергается деонтологизации, а в сфере мышления происходит отступление от классического фундаментального принципа антитезы.

Ключевые слова: гносеологический оптимизм, гносеологический пессимизм, когнитивные ценности, онтологический статус слова, понятие истины, метод антитезы, постмодерн.

Postmodern Paradigm: Rejection of Traditional Cognitive Values

Makarenko I. M.

Educational establishment «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk

In the article reconstruction of cognitive-value system, traditional for the European culture, is carried out, on the basis of correlation with which the conclusion about the axiological nature of a postmodern is drawn. The author shows how gnoseological optimism, traditionally inherent in the European mentality, – confidence in reliability of the available knowledge and in possibility of their expansion, – was the initial prerequisite on the basis of which the system of cognitive values was consistently built. In particular, gnoseological optimism made it possible to possess such values as the ontological status of the word, concept of truth, thinking method on the basis of an antithesis. Contrary to it, postmodernism is based on gnoseological pessimism, – denial as reliability of the available knowledge, and informative abilities of the person, – that leads to deconstruction of European traditional cognitive values. So, within the culture of postmodern there are sweeping changes in the field of language and thinking: the verbal system is exposed to a deontologization, and in the sphere of thinking there is a derogation from the classical fundamental principle of antithesis.

Key words: gnoseological optimism, gnoseological pessimism, cognitive values, ontologic status of the word, concept of truth, antithesis method, postmodern.

«<...> теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».

К. Маркс

Интеллектуальная элита несет огромную ответственность перед обществом. В наибольшей степени это относится к ученым гуманитарных наук, чьи идеи и концепции определяют облик человека, его нравственную сущность. Ибо социально-гуманитарная теория – это не только отражение наличного положения вещей, но в большей мере – культуротворчество, точка формирования настоящего и будущего культуры, предначертание ее дальнейшего пути.

Развитие западного общества второй половины XX в. прошло под знаком постмодерна, предельно остро поставившего проблему достоверности познания мира и провозгласившего на этом основании релятивизм в качестве своей парадигмальной программы. Однако накапливающиеся негативные феномены, такие как кризис идентификации личности, кризис нравственного сознания и прочие убедительно продемонстрировали несостоятельность постмодернизма: необходимым стал поиск новых путей развития культуры, что в конечном итоге привело к формированию пост-постмодернизма.

Вместе с тем преодоление установок постмодерна требует все более тщательного его изучения и осмысления. Следует отметить, что постмодернизм исследован глубоко и разносторонне, что видно по научным работам как русскоязычных, так и иноязычных ученых. В частности, Г. Кюнг выявляет общее движение от модерна к постмодерну, проявляющееся в смене отношения к рациональности: в отличие от модерна, рассматривающего разум человека в качестве кардинальной верифицирующей инстанции, постмодерн склонен видеть в европейской рациональности причину агрессии и насилия, порождаемых в рамках европейской цивилизации [1]. И. П. Ильин указывает на гносеологические аспекты постмодернистских трансформаций, проявляющиеся в отрицании возможности достоверного познания объективного мира, то есть гносеологическом скептицизме [2; 3]. Ф. Джеймисон отмечает отказ постмодерна от понятия истины в рамках критического отношения к метафизике [4]. Ф. Шеффер указывает на стратегический характер процессов, происходящих в гносеологии и связанных с ними трансформаций фундаментальной матрицы мышления, что в рамках культуры постмодерна нашло свое проявление в отступлении от принципа антитетического противопоставления [5–7]. М. А. Можейко, рассматривая широчайший спектр парадигмальных особенностей постмодерна, выявляет его имплицитное тождество с синергетикой, на основании чего делает заключение о нелинейности как одном из фундаментальных принципов постмодернистской парадигмы [8].

Однако, несмотря на многостороннюю изученность феномена постмодернизма, актуальным является рассмотрение его сущности в аспекте осуществленного им отказа от традиционных когнитивных ценностей, конституирующих ткань европейской культуры. То есть необходима экспликация глубинных когнитивно-ценностных оснований постмодерна посредством соотнесения его с допостмодернистской культурной классикой, что позволит обнаружить как степень отклонения от традиционного аксиологического пути, так и возможности возвращения на него.

Цель данной статьи – реконструкция европейской традиционной когнитивно-ценностной системы и выявление на этом основании сущностного содержания культурной парадигмы постмодерна.

Гносеологический оптимизм в различных типах культуры. Каждая культура в различных областях своего бытия конституирована осознанным или неосознанным ответом на имплицитно или эксплицитно поставленный вопрос: «Каков объективный мир?». Постановка указанного вопроса в антропологическом аспекте предполагает изменение ориентации вектора познания: с внеположенной человеку среды он перенаправляется на внутренний мир человека с целью раскрытия истинной природы человеческого существа. Однако знания о сущности мира и человека, представляющие собой область онтологии, нуждаются в легитимации, что становится возможным при соответствии когнитивных данных определенным гносеологическим критериям. Именно гносеология является важнейшей областью человеческого знания, выступая в качестве критической инстанции, фильтрующей поступающие в культурный организм мировоззренческие проекты. «Без соответствующего знания о методах познания можно заблудиться в <...> исканиях истины», – считает Ф. Шеффер, и потому крайне важно прояснить то, «как человек познает и как он узнает, что знает» [6, с. 4].

Следует отметить, что на протяжении исторического развития гносеологические критерии подвергались существенным трансформациям. Изменения затрагивали не только семантические поля различных культурных систем, но и касались смены верифицирующей инстанции. Так на смену мистическому знанию древних культур Востока и Египта приходит рационально-логическое знание

культуры Древней Греции, опирающееся на абстрактно-теоретическую рефлексию. Великие греческие мыслители эксплицировали вопросы онтологии и сделали попытку дать на них рациональные ответы в рамках гуманизма, то есть системы, «в которой человек, начав с себя, сделал точкой отсчета только человека, пытается получить все знание, смысл и значение» (Ф. Шеффер) [6, с. 11]. Для периода культуры Средневековья характерна гносеологическая модель, опирающаяся на неопровержимый исторический факт воскресения Христа, позволивший гармонично сочетать мистическое и рациональное¹. Основой христианского мировидения стало знание, получаемое из внеположенной человеку инстанции (авторитет Священного Писания = трансцендентный абсолют), что дало возможность в пределах христианского вероучения сформулировать ответы на вопросы греческих философов. Культура Просвещения восприняла гуманистический рационализм античности, ставший гносеологической доминантой всей эпохи модерна. По замечанию Г. Кюнга, «автономный разум» рассматривался «европейским модерном в качестве высшего судьи во всех вопросах знания и веры» [1, с. 70] и выступал в роли инстанции, принуждающей «все и вся к легитимации» [1, с. 71].

При очевидной разнице, с одной стороны, источников информации о мире, а с другой стороны, гносеологических критериев, служащих легитимации имеющихся знаний, названные культурные формации были принципиально идентичны в признании того, что наличествующие в их распоряжении знания достоверны, то есть адекватно отражают действительность, будь то в форме мифа (Вавилон, Египет), религиозного учения (Средневековая Европа), философской концепции (Античная Греция) или научной теории (Европа эпохи модерна). В рамках этих культурных систем соотносительность существующих метафизических концепций с реальным бытием не подвергалась сомнению; в противном же случае постулировалась непоколебимая уверенность в возможности создания онтологически обеспеченной метафизической теории. Ввиду этого подобные типы культуры могут быть охарактеризованы как гносеологически оптимистичные.

Европейская традиционная когнитивная ценностная система. Гносеологический оптимизм являлся исходной предпосылкой, определявшей существование в цивилизационном пространстве ряда культурных феноменов, появление которых вне положительной гносеологической презумпции методологически невозможно. Прежде всего гносеологически-оптимистическая установка определяла статус важнейшего культурного явления – языка, представляющего собой границу между миром природы и миром культуры и напрямую зависящего от парадигмальных оснований в области познания. Так, гносеологический оптимизм обуславливал понимание слова в качестве знака, состоящего из означающей и означаемой структурных единиц: языковые понятия мыслились как обладающие онтологическим обеспечением, девальвированные вербальные единицы считались исключением и именовались в зависимости от области бытования ересью, мифом, ложью, вымыслом.

Установка гносеологического оптимизма позволяла иметь понятие «знание» (как результат информационного взаимодействия человека с объективным миром), что делало возможным и дальнейшие когнитивные поиски. Ввиду того, что поиск не может быть беспредметным, но всегда предполагает удержание искомой предметности в сознании ищущего (в диапазоне от отыскывания пропавшей вещи до научного поиска и поиска путей реализации творческого замысла), то и процесс поиска достоверной истины возможен лишь тогда, когда существует презумпция знания. Поэтому отталкиваясь от начального знания и имея в сознании обобщенную идеальную картину конечного знания, человек и общество в целом были способны двигаться по пути постижения истины. Результаты поиска фиксировались в обладающих статусом валидности языковых системах. Отсюда положительный аспект познания заключался в раскрытии все более тонких граней онтологической реальности с последующим отражением их в лингвистических средах. В отрицательном же аспекте процесс познания был тождествен нахождению и устранению вербальных единиц и их систем, не имеющих связей с действительностью.

¹ Предлагаю отделить понятие «рациональное» (метод мышления, основанный «на языке антитезы») от понятия «рационализм» (познавательная позиция, при которой «человек, найдя опору в себе, и только в себе, собирал сведения о единичностях и, обобщая, выводил из них универсалии» [5, с. 202]), которое может быть представлено и как «гуманизм в широком смысле», Ф. Шеффер заявляет, что «иудео-христианская точка зрения рациональна и в то же время противоположна рационализму» [6, с. 11–12]. Он утверждает, что «христианин не является рационалистом, поскольку не пытается автономно, начиная с себя, выработать некую систему. Но он рационален, поскольку мыслит и действует, исходя из предпосылки $A \neq \text{не-}A$ » [6, с. 119].

В рамках парадигмы гносеологического оптимизма признавалась также и возможность лингвистических систем удерживать внутри себя целостный онтологический объект во всей его полноте. Это позволяло рассматривать ту или иную не содержащую внутренних противоречий концептуальную систему как абсолютную (то есть применимую везде, всегда и для всех) и, следовательно, мыслить на основании антитезы. «А» противопоставлялось «не-А» как истина – неистине².

Таким образом, позитивная гносеологическая презумпция определяла статус слова, делала возможным научный поиск, и позволяла мыслить категориями абсолютного знания на языке антитезы. Таковы фундаментальные традиционные когнитивные ценности, закладывающие исходные параметры европейской культурной ментальности.

Гносеологический пессимизм постмодерна. Однако все радикально изменяется в культуре постмодерна, предельно остро поставившей вопрос о достоверности знания. В отличие от предыдущих культурных формаций постмодернизм пришел к отрицанию истинности не только существующего массива знаний (как частно-прикладных, так и фундаментально-методологических), но и коренным образом опроверг веру в саму гносеологическую способность человека. Как отмечает И. П. Ильин, «постмодернизм всегда нацелен на доказательство непознаваемости мира» [2, с. 100]. В результате постмодернистскую культурно-идеологическую систему можно охарактеризовать как гносеологически скептическую и пессимистическую. «Великой проблемой» современности, по утверждению Ф. Шеффера, «является <...> познание»; используя метафорический образ, философ характеризует современного человека как преткнувшегося «о камень недостоверности знания» [7, с. 295].

Базовая парадигмальная позиция постмодернистской философии, заключающаяся в отрицании возможности познания реального мира, стала методологическим основанием для постулирования радикальных заявлений и программ, с которыми выступил постмодернизм на культурной арене: критике подверглись не отдельные семантические версификации европейских культурных идеологий, но сами когнитивные основания западной культурной ойкумены³.

Деконструкция европейской традиционной когнитивной ценностной системы. Так, отрицание возможности прорыва к онтологической реальности в когнитивной сфере приводит к радикальному переосмыслению сущности и статуса языка. Парадигмальный гносеологический пессимизм привел к дебинаризации структуры лингвистического знака: означающий компонент отсоединился от означаемого и начал свое автономное существование. Языковой знак стал одномерным, а его семантический потенциал стал тождествен лингвистическому, поскольку вне связи с действительностью вербальная система утрачивает свою когнитивную функцию. В рамках теории пантекстуализма, основанной на скептическом отношении к способности гносеологического прикосновения к внетекстовой реальности, текст становится не столько искажающей интерпретационной призмой, сколько самим объектом восприятия (И. П. Ильин [2, с. 21]). Язык объявляется не способом форматирования реальности, а самой реальностью – субстратом и жизненной средой мифа. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «больше не существует деления на поле реальности (мир), поле репрезентации (книга) и поле субъективности (автор)»: они решительно заявляют о том, что книга не имеет «объекта в мире и <...> субъекта в лице одного или нескольких авторов» [10].

Гносеологически пессимистическая парадигмальная установка, отрицающая возможность наличия

² И даже Г. Гегель, в рамках своего диалектического метода примирявший оппозиционные блоки антитезы, отношением к своей философской концепции как к достоверной, уверенностью в абсолютности своей теории, что логически опровергало полноту истинности иных философских систем, демонстрирует не что иное, как антитетическое мышление. Кроме того, способность постулировать различие между явлениями и последовательно его придерживаться позволяла ему противопоставлять тезу и антитезу, возводя их к синтезу.

³ Анализируя состояние философской мысли XX в., А. А. Михайлов указывает на глубинное преобразование «оснований философского мышления, отказ от тех, восходящих своими истоками к античности, принципов, которые конституировали ткань европейской культуры и философии» [9]. Он подчеркивает, что «все то, что до недавнего времени практически не подвергалось сомнению, принципы и основания, разделяемые даже радикально непримиримыми и противодействующими философскими лагерями, оказались утратившими свою универсальную значимость»; в результате, «контуры и содержание современной философской мысли подвергаются столь значительным преобразованиям, что тема конца философии уже не воспринимается как эпатирующая позиция отдельных, пусть даже и весьма значительных, мыслителей 20 века» [9, с. 4].

достоверных знаний, лишает методологических оснований поиск истины⁴. Как отмечает Ф. Джеймисон, «само понятие «истины» составляет часть метафизического багажа, от которого постструктуралисты стремятся избавиться» [4, с. 125–126]. Знание о мире в постмодернизме – это не результат трансцендентного прорыва к внетекстовой действительности, но только лишь организация языка в совокупности его вариативных построений на основе риторического искусства: язык ссылается на самого себя, внеязыкового же, внетекстового опыта просто нет. По мнению Р. Барта, реальность как таковая не доступна для восприятия и познания. Размышляя над таким понятием как литературный реализм, мыслитель заявляет, что «художник-“реалист” берет в качестве отправной точки своего дискурса вовсе не “реальность”, но только – всегда и при всех условиях – “реальное”, т. е. уже кем-то написанное – некий перспективный код, образованный анфиладой копий, теряющихся в бесконечной дали» [11, с. 251].

Утрата гносеологически оптимистической позиции, приведшая к автономизации языка вследствие его отрыва от онтологического обеспечения, определила, в конечном итоге, радикальную трансформацию ментальной матрицы. Постулирование отсутствия связи означающих единиц с областью означаемого устранило возможность противопоставления понятий и явлений, что детерминировало переход от бинарно-антитетического мышления к плюрално-монистическому. Множественность в постмодернизме не способна быть однозначно различена и разделена, поскольку ее основанием является монизм языковой иллюзии. Ввиду этого утверждение « $A \neq \text{не-}A$ » утрачивает свой смысл, поскольку « A » и « $\text{не-}A$ » в сущности являются лишь виртуально-вербальными явлениями. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, это позволяет вырваться за пределы дуализма и постичь формулу, «которую все мы искали: ПЛЮРАЛИЗМ = МОНИЗМ, преодолевая все дуализмы» [10, с. 27]. В свою очередь отсутствие способности различать и дистанцировать позиции « A » и « $\text{не-}A$ » приводит к невозможности функционирования аппарата рационального мышления, поскольку последний способен существовать только в рамках двоичной системы, в которой « A » и « $\text{не-}A$ » однозначно противопоставлены.

Постмодернистская мысль в качестве ментальной опоры избирает иррационализм, истоки которого сосредоточены в Восточном миропонимании. И. П. Ильин подчеркивает, что «призыв к Востоку и его мудрости постоянно звучит в работах современных философов и культурологов, теоретиков литературы и искусства» [3, с. 208]. В результате в Западном культурно-цивилизационном пространстве происходит диффундирование иррационалистических концептуальных систем. Г. Рормозер отмечает, что современное общество охвачено иррационализацией «всех процессов этоса и культуры», в результате чего «на место разума приходит ремифологизация, обожествление природы», принимаемой в качестве носительницы «собственной субъективности и тем самым спасительной силы» [12]. Еще одним признаком иррационалистического процесса, по его мнению, является то, что взамен «единства, достигаемого на путях рациональности, выдвигается целостность, познаваемая и переживаемая непосредственно»; в конечном итоге, «посредством медитативных упражнений человек приучается отказываться от себя в своей субъективности и растворяться во всеобъемлющем, божественном религиозном целом» [12, с. 84–85].

Заключение. Таким образом, реконструкция традиционных ценностных оснований западноевропейской культуры показывает, что опора на предпосылку гносеологического оптимизма обеспечивала возможность существования ряда фундаментальных культурных феноменов. Так, уверенность в возможности достоверного постижения объективного мира определяла онтологический статус слова, то есть позволяла относиться к языковой системе как к носительнице подлинных сведений о действительности. Кроме этого признание возможности человека постичь реальность детерминировало наличие понятия истинного знания как результата когнитивного взаимодействия человека с окружающим миром. И, наконец, опора на достоверность знания и его полноту создавала условия для существования антитетического метода мышления ($A \neq \text{не-}A$), в пределах которого выстраиваются такие оппозиции, как *истина–не-истина*, *правильное–не-правильное*, *добро–зло* и т. п.

Вместе с тем указанная реконструкция делает очевидной ту радикальную трансформацию, которая

⁴ Подобная установка в конечном итоге не позволяет иметь само понятие знания, так как определение последнего уже является когнитивным освоением мира, что в рамках постмодернистского сознания не представляется возможным.

характерна для постмодернистской парадигмы. Решительное отрицание в рамках постмодерна возможности адекватного постижения действительности (гносеологический пессимизм) стало предпосылкой, логическое развитие которой привело к последовательной деконструкции европейских традиционных когнитивных ценностей. Так, в силу отрицания связи с объективной реальностью утрачивает свой онтологический статус система языка. Гносеологический пессимизм приводит и к невозможности построения понятия знания, а, следовательно, и истины. В конечном итоге, отрицание связи языка с действительностью (его онтологичности) приводит к отказу от основополагающего принципа европейской ментальности – мышления, опирающегося на принцип бинарных оппозиций. Это определяет отказ постмодернизма от начал западноевропейской рациональности и приход к иррационализму, свойственному культурам Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кюннг, Г. Религия на переломе времен / Г. Кюннг // Мировое древо = Arbor Mundi : Междунар. журнал по теории и истории мировой культуры. – 1993. – Вып. II. – С. 70.
2. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.: ил.
3. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.
4. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов / сост., ред. А. Р. Усманова. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 125–126.
5. Шеффер, Ф. Бегство от разума / Ф. Шеффер // Он здесь и Он не молчит: избранное / Ф. Шеффер; пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 202.
6. Шеффер, Ф. Бог Сущий / Ф. Шеффер // Он здесь и Он не молчит : избранное / Ф. Шеффер; пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 4.
7. Шеффер, Ф. Он здесь, и Он не молчит / Ф. Шеффер // Он здесь, и Он не молчит : избранное / Ф. Шеффер; пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 295.
8. Можейко, М. А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм / М. А. Можейко. – Минск: БГЭУ, 1999. – 297 с.
9. Михайлов, А. А. Предисловие / А. А. Михайлов // От Я к Другому: сб. переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск: Менск, 1997. – С. 4.
10. Делез, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна : сб. переводов и рефератов / сост., ред. А. Р. Усманова. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 29.
11. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2009. – 373 с. (Философские технологии. Структурализм).
12. Рормозер, Г. Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста / Г. Рормозер // Вопросы философии. – 1991. – № 5. – С. 84.

Поступила в редакцию 07.10.2014 г.